

А. Ф. ШОРИН

ДОАНДРОНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ МОГИЛЬНИКА БЕРЕЗКИ V г В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Источниковедческая база погребальных комплексов доандроновского времени на Урале крайне скудна и насчитывает чуть более двух десятков, как правило, одиночных захоронений. В этой связи открытие любого нового погребения эпохи неолита — ранней бронзы вызывает интерес исследователей. Одно из таких одиночных захоронений обнаружено в 1979 г. на возвышенной части острова Большой Вишневый (Актуба) в северной акватории Аргазинского водохранилища в Аргаяшском районе Челябинской области.

Тектоническое по своему происхождению проточное озеро Аргазин находится на стыке двух зон: западное его побережье относится к восточным, покрытым лесом, отрогам Уральских гор, восточное расположено в зоне Зауральского пенеплена, холмисто-волнистой возвышенности, где свободных от леса участков больше. Река Миасс, которая пересекает озеро с севера на юг, связывает его с лесостепными районами Южного Зауралья. Такое удобное географическое расположение озера, богатого природными ресурсами, предопределило довольно стабильное и плотное его заселение начиная, по крайней мере, с эпохи неолита, и в материалах аргазинских памятников нашли отражение традиции северных лесных и южных степных групп населения. Но, несмотря на довольно активное освоение озера в неолитическую — раннебронзовую эпоху, за шесть лет работы здесь найдено только одно захоронение доандроновской эпохи — в оградке 23 на территории раннечеркаскульского могильника Березки V г и многослойного поселения (где есть и материал эпохи неолита — ранней бронзы) Березки V в.

Надмогильное сооружение (рис. 1, 1) представляло собой наброс необработанных, уложенных плашмя камней, не имеющих четко выраженной геометрической формы. Максимальные размеры сооружения — $3,8 \times 3,1$ м. В северной и южной частях под набросом камней зафиксированы два погребения.

Погребение 1 (северное) безынвентарное (рис. 2). Могильная яма отсутствовала. Костяк лежал в вытянутом положении

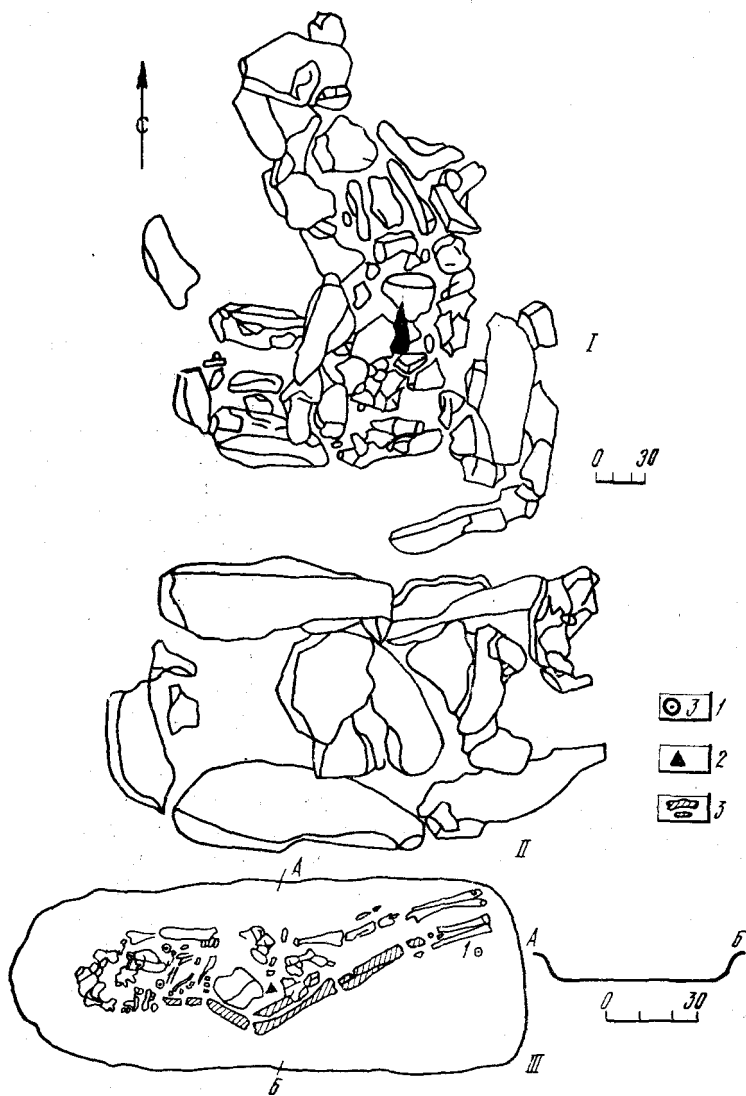
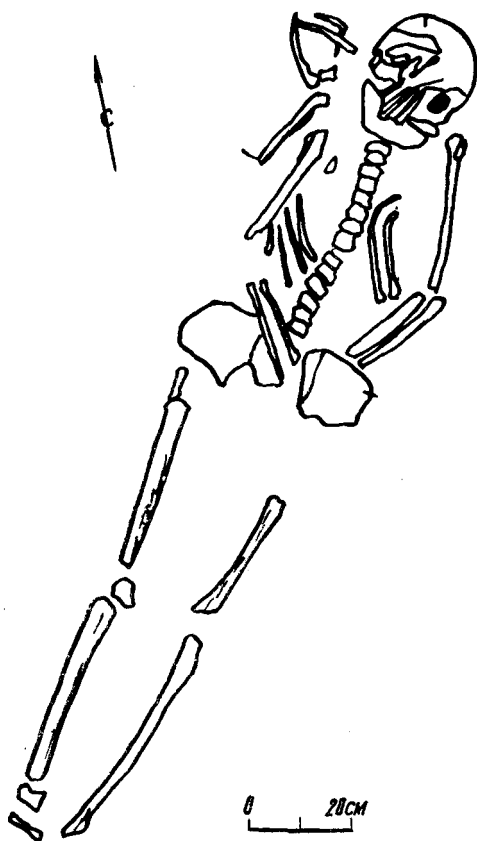

Рис. 1. Ограда 23, захоронение 2.

I — план ограды, II — план каменного ящика в могиле, III — план и профиль захоронения.

1 — подвески (цифра указывает количество экземпляров), 2 — обломок наконечника стрелы, 3 — обожженные кости скелета.

Рис. 2. Захоронение 1.

на спине головой на северо-восток. Левая рука слегка согнута в локте и кисть ее положена у таза, правая — прямая, вытянута вдоль туловища. Видимо, это захоронение впускное и с основным погребением не связано.

Основное захоронение располагалось в южной части ограды в каменном ящике, который был сооружен из вертикально врытых в землю плит и сверху перекрыт такими же плитами. На дне ящика плиты отсутствовали (см. рис. 1, II). Размеры ящика $1,75 \times 1,1$ м, форма прямоугольная, ориентация по линии запад — восток. Могильная яма, зафиксиро-

ванная в ящике, имела подпрямоугольную со слегка скругленными углами форму в плане и подпрямоугольную форму в профиле. Размер ее $1,9 \times 0,72 \times 0,09$ м. Ориентировка — запад — юго-запад — восток — северо-восток (см. рис. 1, III).

Костяк лежал в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые, но отброшены по отношению к центральной оси туловища влево. Ориентирован головой на запад с незначительным отклонением к югу (см. рис. 1, III). Череп раздавлен камнями осевшего перекрытия ящика. Череп и правая сторона костяка несут следы воздействия огня, что делает вероятным предположение об использовании огня при отправлении погребальных действий. Так как костяк обожжен частично, степень прокалиненности костей скелета средняя и следы прокала не отмечены под самим костяком, то следует считать, что костер разводился не в самой могиле, а вне ее, видимо, на перекрытии могильного ящика. Затем еще не остывшие остатки костра попали в могилу, возможно, через щели неплотно пригнанных плит перекрытия либо с самим осевшим перекрытием.

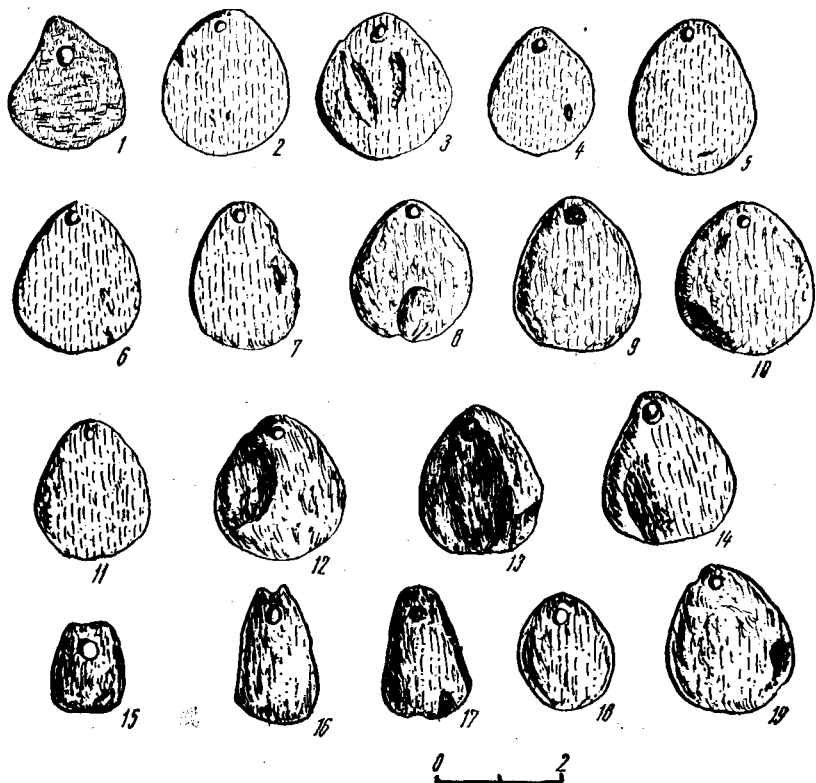

Рис. 3. Подвески.
1 — каменные, 2—19 — костяные.

Погребальный инвентарь представлен 19 подвесками ожерелья, 17 из которых найдены на уровне грудной клетки и плеч, одна — слева от таза и одна — у правой ступни, а также заготовкой костяного наконечника стрелы (?), зафиксированного под тазом погребенного¹. Одна из подвесок изготовлена из змеевика, остальные — костяные. Все они имеют на одном из концов отверстия для подвешивания, которые, по определению Ю. Б. Серикова, просверлены костяным орудием.

Подвески по форме можно разделить на три типа: миндалевидные (16 экз.) размерами от 26×21 мм до 36×31 мм, трапециевидные (2 экз.) размерами 30×13 мм (рис. 3), подпрямоугольная (1 экз.) размером 19×17 мм. Отверстие последней несколько больше, чем у остальных: 4,8 против 2,4—3,6 мм.

¹ Связь данного изделия с погребальным обрядом не достоверна. Так как захоронение произведено на месте стоянки неолитического времени, то наконечник мог попасть в яму случайно из культурного слоя стоянки.

Костяные и каменные подвески, особенно миндалевидной формы, довольно часто встречаются в погребениях уральского региона, датируемых неолитическим — раннебронзовым временем². Подобные же подвески известны и в поселенческих комплексах лесной полосы Восточной Европы этого времени³.

Аналогичны в доандроновских захоронениях Урала еще некоторые особенности аргазинского погребального обряда: захоронение на территории поселения, сооружение в могиле каменного ящика, обычай разводить огонь над погребальным сооружением, вытянутое на спине положение костяка, отсутствие сосуда в сопровождающем инвентаре. Последние два признака вообще типичны для большинства уральских захоронений этого времени (см. таблицу). Исключения составляют только давлекановское, дружинское и одно верхнеалабугское захоронения на Южном Урале, где костяк обнаружен в скорченном на боку положении⁴, вертикальное пеганское захоронение⁵ и погребения в позе «сидя на корточках» могильников Верхняя Алабуга и Убаган I⁶. Погребальные же сосуды отмечены только в двух последних могильниках⁷, а также дружинском захоронении⁸ в южных районах Урала и в одном из погребений Соснового Острова⁹, сургутском и кокшаровском захоронениях¹⁰ в северных районах Урала. Причем в последнем случае аятский сосуд, хотя и был поставлен в могилу, стоял вне камен-

² См., например: Бибииков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. XIII. Рис. 7, 15, 17, 28; Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80. С. 51—52; рис. 19; Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 164, 168; Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 85—86; рис. 9, 11—13; 15, 4, 6; Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Аяте в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4. С. 197—200; Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. Рис. 10, 65; Габяшев Р. С., Беговатов Е. А. Тенешевский («Сорокин бугор») энеолитический могильник (Предварительная публикация) // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. Рис. 3—10.

³ См., например: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. Рис. 33, 2, 5, 6; табл. 70, 15—17; 117, 7, 11; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 89.

⁴ Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у горы Давлеканово на Южном Урале // СА. 1970. № 4. С. 164—165; Шорин А. Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982; Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 165.

⁵ Бадер О. Н. Указ. соч. С. 164.

⁶ Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья.

⁷ Там же.

⁸ Шорин А. Ф. Указ. соч.

⁹ Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 165—167.

¹⁰ Старков В. Ф. Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. 1970. № 1. С. 105; Чемякин Ю. П. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. 1980. № 3. С. 276—278.

ного ящика, т. е. самого погребального сооружения, где были совершены захоронения или же их имитация — кенотаф, т. е. произведено как бы «отчленение» погребального сосуда от самого места захоронения. Возможно, в данном случае наблюдается явление такого же порядка, что и постановки погребальных сосудов рядом с могильными ямами, — обряда, свойственного многим доандроновским могильникам лесной зоны Евразии, в том числе и знаменитым сейминско-турбинским.

Типичны для эпохи неолита — ранней бронзы захоронения (как правило, одиночные) и на территории поселений (см. таблицу). На эту особенность в свое время обращал внимание О. Н. Бадер¹¹.

Надмогильные сооружения в виде каменных ящиков либо перекрытие захоронений каменными плитами или набросом камней также известны для доандроновских погребений Урала. Каменный ящик небольших размеров (40×30×13 см) зафиксирован в восточной части могильной ямы кокшаровского захоронения, причем на его перекрытии находился мощный (до 18 см) слой охры¹², символизирующий, видимо, огненный ритуал. Могила, обложенная пятью гранитными плитами, поставленными наклонно так, что они образуют нечто вроде палатки, зафиксирована в дореволюционных раскопках А. Антропова в береговом валу юго-восточного берега Второго Карасьего озера¹³. Известковыми плитами перекрыто ахметовское погребение в Башкирии¹⁴, каменным навалом закрыта могила в Усть-Катавской пещере на Южном Урале, причем над этим навалом был разведен костер и труп, а также часть погребальных украшений оказались обожженными¹⁵. Ритуальный костер над могилой, возможно, даже над деревянным перекрытием, разжигался, видимо, в аятском погребении¹⁶, в захоронении в гроте у Каменного Кольца¹⁷, на могильнике Барсов городок 2 в Сургутском Приобье¹⁸, в захоронении Леуши XIV в Нижнем Прииртыше¹⁹. Пятна углистой супеси и отдельные угольки отмечены на могильнике Верхняя Алабуга; здесь в одной из могил найден череп ребенка со следами силь-

¹¹ Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 109.

¹² Старков В. Ф. Указ. соч. С. 105.

¹³ Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21. С. 233.

¹⁴ Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Указ. соч. С. 85—86.

¹⁵ Бибииков С. Н. Указ. соч. С. 114, 116.

¹⁶ Берс Е. М. Позднеолитическое погребение на р. Аять... С. 197—200.

¹⁷ Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца... С. 106.

¹⁸ Чемякин Ю. П. Указ. соч. С. 276—278.

¹⁹ Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Прииртыше // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 36.

Основные черты погребального обряда доандроновских захоронений Урала

№ п. п.	Погребение	Кол-во захоронений	Местоположение	Надмогильное сооружение	Способ захоронения	Наличие охры или проявлений огня	Наличие сосуда	Источник (см. сноски)
1	Кокшарово I	3(?)	На поселении	Могильный ящик в могиле	Кенотаф (?)	Охра	+	Старков, 1970
2	Аятское	1	»	Настил над могилой	Вытянуто на спине, без черепа	»	—	Берс, 1976
3	Сосновый Остров	3	» (?)	—	Вытянуто на спине	Углистая полоса около погребения 3	+	Викторова, 1968
4	Барсов городок 2	3	На высоком участке берега реки	Перекрытие над могилой (?)	Кремация на стороне	Охра, костер в могиле	+	Чемякин, 1980
5	Леуши XIV	1	На трехметровой террасе берега реки	—	Вытянуто на спине в лодке (?), завернуто в шкуру или бересту	Охра, костер над могилой (?)	—	Беспрозванный, Старостина, 1986
6	Оградка 23 могильника Березки V г	1	На высоком холме, на территории поселения	Каменный наброс, под ним каменный ящик	Вытянуто на спине, частично обожжено	Костер над каменным ящиком	—	Шорин, 1988
7	Второе Карасье озеро	1	В береговом валу	Каменный ящик	Только часть черепа	Угли в могиле	?	Берс, 1951
8	У Каменного кольца	1	В гроте	Перекрытие над могилой	Вытянуто на спине	Охра, угли, следы ритуального костра	—	Бадер, 1973
9	Бурановская пещера	1	В пещере	—	То же	Охра	—	Бибиков, 1950
10	Старичный Гребень	1	Под скалистым навесом, на территории стоянки	—	»	»	—	»
11	Усть-Катавская пещера II	1	В пещере	Навал камней	Неполное трупосожжение	Костер над навалом камней, охра	—	»
12	Пеганское	1	?	—	В вертикальном положении	—	—	Бадер, 1970
13	Боборыкинское	3	?	—	Вытянуто на спине	Охра	—	»
14	Перейма II		Рядом с жилищами	—	Вытянуто на спине и кремация	»	—	»
15	Дружный I	1	Рядом с поселением	—	Скорченно на боку	—	+	Шорин, 1982
16	Давлеканово	1	На территории поселения (?)	—	То же	Охра	—	Матюшин, 1970
17	Ахметово I	1	На высоком мысу	Костяк прикрыт известковыми плитами	Вытянуто на спине, отсутствовали кости ног и кисти рук	—	—	Збруева, Тихонов, 1970
18	Ново-Мордовское	1	На территории стоянки (?)	—	Вытянуто на спине	Охра	—	Халиков, 1969
19	Гулькинское	3	На территории стоянки	—	Вытянуто на спине; у одного отсутствовали кости нижних конечностей	»	—	Збруева, 1960

Примечание. Не приводится характеристика еще ряда могильников и погребений доандроновского времени вне пределов Урала: Томского, Самусьского, Кузнецкого, Степановского — в Западной Сибири; Минниязовского, Русско-Шугановского, Тенешевского — в Волго-Уральском междуречье. Не дается характеристика могильника Верхняя Алабуга в Среднем Приобье из-за многочисленности захоронений, а также ряда случайных находок костяков в торфяниковых памятниках: на Шуралинском прииске, на Ирбитском озере, в урочище Горелки, в песках р. Ташкунтарган в районе Миасса, на Курьинском прииске.

ного огня²⁰. Углистая полоса зафиксирована и с южной стороны погребения 3 в Сосновом Острове²¹.

Попытаемся наметить основные особенности большинства захоронений доандроновского времени Урала (см. таблицу).

1. Значительная их часть — одиночные захоронения, не образующие могильных комплексов, или число погребений в могильниках незначительно, обычно три-четыре, реже более. Исключение — могильники Верхняя Алабуга (56 ям) и, видимо, Убаган I, но они находятся в южных районах Зауралья, в лесостепной зоне, и в их материалах отчетливо прослеживается влияние культур скотоводческо-земледельческого мира²².

2. Многие захоронения произведены на территории поселений или в непосредственной близости от них.

3. Для многих одиночных захоронений выбирались нестандартные в топографическом отношении места: пещеры²³, гроты, навесы, возвышенные участки холмов или дюн. Кроме того, возможна связь захоронения в Бурановской пещере с наскальными рисунками на ее стене²⁴.

4. При господствующем обряде захоронения (тело погребенного вытянуто на спине) наблюдается необычность позы некоторых погребенных (пеганское погребение совершено в вертикальном положении) или нарушение анатомической целостности костяка: в аятском захоронении нет головы²⁵, в гулькинском погребении отсутствовали кости ног²⁶, в ахметовском — кости ног и кисти рук²⁷, в могиле на Втором Карасьем озере найдена только часть черепа²⁸.

5. Сильно развитый культ огня в форме либо полного трупосожжения на стороне, либо неполного сожжения при разведении костра над могилой или на надмогильном сооружении; возможно присутствие охры, часто обильное, как проявление того же огненного культа.

6. Отсутствие погребального сосуда²⁹.

²⁰ Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья... С. 161, 164.

²¹ Викторова В. Д. Указ. соч. С. 166—167.

²² Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья...; Она же. Бронзовый век лесостепного Притоболья... С. 150.

²³ Два новых захоронения этого времени исследовал в 1988 г. в одной из пещер р. Чусовой Ю. Б. Сериков (устное сообщение на VII Бадеровских чтениях, посвященных итогам полевых исследований за 1988 год, в г. Сыктывкаре в ноябре 1988 г.).

²⁴ Бибииков С. Н. Указ. соч. С. 103—105; рис. 9.

²⁵ Берс Е. М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять... С. 197—200.

²⁶ Збруева А. В. Указ. соч. С. 51—52.

²⁷ Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Указ. соч. С. 86.

²⁸ Берс Е. М. Археологическая карта... С. 233.

²⁹ Ряд этих признаков — положение на спине, применение в погребальном обряде охры, отсутствие сосудов — как отличительных именно для обряда захоронения культур эпохи неолита — энеолита лесной полосы Восточной

Многим одиночным захоронениям присущи все эти признаки или большинство из них: необычное место захоронения (нередко на территории поселения), сильно выраженный культ огня, деформация анатомической целостности скелета (в том числе и путем полного или неполного его сожжения). Это наводит на мысль, что в одиночных захоронениях погребались только те члены первобытных коллективов, которые занимали в них особое место. Это предположение со ссылкой преимущественно на большой этнографический материал по народам севера Сибири высказывал уже М. Ф. Косарев³⁰.

Исключительный характер захоронений с преданием тела умершего земле заставляет предполагать наличие у древнего населения Урала и иных, массовых (ординарных, традиционных) форм погребального обряда, может быть, наземных, воздушных (на деревьях, в дупле и пр.) или даже в воде. Сибирская этнография дает немало примеров таких захоронений, особенно воздушных и наземных³¹. Захоронения же в воде или болоте, по этнографическим источникам, были редки и применялись в основном к людям, подозреваемым в связях с нечистой силой³². Но насколько рано выработались подобные обычаи по отношению к захоронениям в воде, судить трудно. Отметим только факты нахождения скелетов людей (один даже окрашен охрой) с инвентарем доандроновского времени в ряде торфяников Урала, причем в слое озерной глины и сапропеля³³.

Рассмотренные традиции погребального обряда, зародившиеся в среде, по крайней мере, неолитического раннебронзового населения, продолжали существовать у лесного уральского населения в последующие эпохи. До сих пор на территории Урала не известны могильники коптяковской культуры эпохи развитой бронзы, формировавшейся на базе традиции гребенчатого геометризма предшествующей эпохи, возможно, при активном взаимодействии с более южными культурами — петровской и абашевской³⁴. Известно только одно одиночное

Европы (в отличие от культур степного круга) выделил ранее Д. Я. Телегин: Телегин Д. Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // СА. 1966. № 1. С. 11—12.

³⁰ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 265; Он же. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 222—223.

³¹ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. С. 204—205; Грачева Г. Н. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 133; Она же. Конструкция погребальных сооружений у некоторых сибирских народностей // Полевые исследования Института этнографии. 1975. М., 1977.

³² Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. С. 165.

³³ Бадер О. Н. Уральский неолит. С. 165.

³⁴ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 81; Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976. С. 55—57.

захоронение этой культуры, нарушенное более поздним (гороховским или раннесарматским), сопровождающееся погребальным инвентарем, в том числе и сосудом³⁵.

Наряду с могильными комплексами в южной части лесной зоны и лесостепи Урала у автохтонного населения черкаскульской культуры эпохи развитой бронзы известен случай одиночного захоронения на территории Кокшаровского поселения в более северных районах Зауралья с использованием в погребальном ритуале камня (спиралевидная вымостка на дне могилы). находка в этом захоронении оригинального глиняного сосуда³⁶, сходного по форме с плавильными чашами-тиглями³⁷, а также ярко выраженный огненный ритуал не исключают возможности погребения здесь литейщика, человека, занимавшего особое место в древнем коллективе. Не известны пока на территории лесного Зауралья и могильники местной по происхождению межовской культуры эпохи поздней бронзы, но такие могильники есть в более южных лесостепных районах Бельско-Икского междуречья. Обнаружено только одно одиночное захоронение межовского (березовского) типа в оградке 4 могильника Березки V б на высоком мысе (противоположном мысу, где расположен раннечеркаскульский могильник Березки V г и доандроновское погребение в оградке 23) острова Большой Вишневый Аргазинского водохранилища³⁸.

Практически отсутствуют погребальные комплексы лесной зауральской иткульской культуры эпохи раннего железного века³⁹, которая генетически связана с межовской. Хотя имеются отдельные захоронения этого периода, в том числе с бронзовым инвентарем, типичным и для иткульской культуры (бронзовые круглые блишки с петелькой на обороте, аргазинский могильник из трех погребений Березки VIII а, расположенный тоже на высоком мысе, и др.), но соотнести их с иткульским трудно из-за отсутствия в них погребальных сосу-

³⁵ Шорин А. Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988. С. 9. (Возможно, и само появление сосуда в коптыковском захоронении, как и в черкаскульских могильниках, есть результат активизации контактов древних угров со степью).

³⁶ Старков В. Ф. Указ. соч. Рис. 7, 1.

³⁷ Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф. Жилища Юкалекулевского поселения: По раскопкам 1978 года // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. Рис. 4, 12. (Плавильная чаша-тигель, сходная по форме, обнаружена и на межовском поселении М. Липовый IX на оз. Аргаз).
³⁸ Шорин А. Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы.

С. 9.

³⁹ Стоянов В. Е. Могильники раннего железного века западносибирской лесостепи (к вопросу о локальных различиях) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 238; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 32. В. Е. Стоянов, М. Г. Мошкова отмечают только два иткульских сосуда, найденных в курганах: Черняки, курган 36; Прыгово, курган 10, — но и их связь с иткульскими захоронениями не бесспорна).

дов: черта, свойственная и доандроновским захоронениям Урала.

Видимо, в силу сохранения этой древней традиции не выделены пока погребения гамаюньских и воробьевских зауральских групп лесного населения эпохи раннего железа⁴⁰. Зафиксированы могильники и одиночные захоронения с сосудами только гороховской культуры (например, в оградке 19 могильника Березки V г, а также двойное одновременное захоронение мужчины и женщины в кургане Березки V е), в формировании которой, помимо местного зауральского межовского компонента⁴¹, принимало участие и степное население скифо-сарматского круга культур⁴².

Таким образом, создается впечатление, что появление значительных погребальных комплексов и традиционный обычай ставить в могилу сосуды, по крайней мере, с эпохи энеолита (могильник Верхняя Алабуга), сопряжены только с теми группами древних угров, которые оказались втянутыми в зону непосредственных контактов с более южными этническими образованиями: индоариями андроновской общности эпохи бронзы, индоиранцами скифо-сарматского круга культур эпохи раннего железного века, для которых обычай погребений в земле (причем захоронений не отдельных членов коллектива, а всех или, во всяком случае, большинства) был не исключением, а нормой.

Возможно, что за этим идеологическим представлением о нормах погребального обряда древних лесных угорских народов и их степных соседей стояли причины не только общественного, но и хозяйственно-экономического плана, связанные с преимущественной ориентацией определенной части лесных групп населения на присваивающие формы хозяйства, а степных — на производящие, т. е. земледелец и скотовод больше осознавали роль земли (пастбищ) как основы благополучия, жизни, а значит и возрождения; для охотника и рыболова подобные же воззрения связывались прежде всего с лесом и водой.

⁴⁰ Стоянов В. Е. Указ. соч. С. 238.

⁴¹ Шорин А. Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы. С. 23.

⁴² Мошкова М. Г. Указ. соч. С. 38.